«О вшествии Иоанна Предтечи во ад»,[8] а также рифмованный диалог «Илии и разбойника в раю» (Διάλογος ἐν ᾧ εἰσάγεται Ἠλίας καὶ λῃστής ἐν τῷ παραδείσῳ διαλεγόμενοι).[9]

Впрочем, переведен ли был последний апокриф на славянский или русский язык пока остается невыясненным. Поэтому мы можем уверенно говорить как об апокрифе, получившем отражение в изобразительном искусстве, лишь о Слове Евсевия «О вшествии Иоанна Предтечи во ад».

В этом апокрифе содержится рассказ о том, как вошедшие, по воскресении Христа, в рай праведники застают там разбойника. Они приходят в ужас. Кто ввел его в рай, кто открыл ему двери рая? В их вопросе звучат нескрываемые досада и возмущение, когда они спрашивают разбойника: «Что сотвори первие нас вниде семо. Убити ли хощеши и украсти пришел еси семо». Как могло случиться, что разбойник вошел в рай раньше их, праведников! Одновременно в них просыпается страх за свою жизнь, за собственное благополучие. Они, как и все земные люди, представляют райскую жизнь как реальную, земную, где каждый может делать то, на что он способен и что может допустить его собственная совесть.

Этим кичащимся своею святостью святым и противопоставлен Благоразумный разбойник. Это скромный и миролюбивый человек, совершавший преступления скорее всего в силу тяжелых жизненных условий. Он не стыдится признать, что своим пребыванием в раю он обязан лишь человеколюбию Христа. Он же лишь творил злодеяния, за которые и был предан смерти. Вися на кресте и испытывая предсмертные муки, он поверил в божественное происхождение Христа и обратился к последнему с просьбой вспомнить о нем, когда тот придет в свое царство. Христос пообещал ему дать место в раю, сказав, что при входе в рай он должен показать крест. И когда ангел, охранявший вход в рай, преградил разбойнику путь огненным мечом и закрыл врата, Благоразумный разбойник показал ему изображение креста. Увидев крест, охранявший вход в рай ангел немедленно открыл ему врата, и разбойник вошел туда. В раю он не нашел никого. Он даже стал недоумевать: где же Авраам, Исаак, Иаков и святые пророки?[10] Тем временем к нему подошли два старца, которые, задавая ему вопросы, по существу над ним издевались. Так, они спрашивали его, не Авраам ли он, личность которого для них священна. Или, может быть, он Моисей, который был мудр, но гугнив. Но так как речь их собеседника была чиста, они тут же решили, что он разбойник, и вид его, по их мнению, красноречиво говорил об этом.

---

[8] ГПБ, собр. Солов., № 848, лл. 304—326, XVII в. См.: И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки, стр. 213 и далее.

[9] ГПБ (греч. 609). Диалог дошел в сборнике смешанного содержания на греческом языке, относящемся к середине XVIII в., принадлежавшем Евгению Булгарису, владельческая запись которого сохранилась в начале рукописи. Данный диалог по сравнению со «Словом» Евсевия имеет одну очень любопытную особенность: на вопрос Илии о том, как разбойник оказался в раю и кто его туда привел, последний с чувством собственного достоинства как человек отвечает, что он создан по образу и подобию божию: —Ἄνθρωπε ποῖος εἶς σύ; καὶ ποῖος ἔστελέ σε; ἐδὼ εἰς τὸν παράδεισον; καὶ τίς ὁδηγησέ σε;—Ἄνθρωπος εἶμαι καὶ ἐγώ, ὡδ'αν καὶ μᾶς πλασμένος μέ τὴν εἰκόνα τοῦ Θεοῦ τοῦ πλάστου τιμημένος (σ. 107).

Следовательно, по мысли автора этого апокрифа, для того чтобы получить право на вход в рай, этого одного уже достаточно. Данный апокриф указан мне Е. Э. Гранстрем, которой приношу глубокую благодарность за помощь в работе.

[10] В Библии рай часто именуется «лоном Авраама». См., например, евангельскую притчу «О богатом и Лазаре».